

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ» В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.

Истинно художественное произведение создает образы, надолго входящие в сознание народа, обладающие особой властью, создающие прочные представления об эпохе, событиях или явлениях, которые они обобщают. К таким произведениям принадлежит и «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» весьма примечательна. Возникнув как произведение узкоместное, рязанское, в конце XIII или первой половине XIV в., оно включилось затем в общее развитие русской литературы, навсегда оставшись в ней одним из лучших художественных обобщений трагического для русского народа Батыева нашествия. Образы, символы, отдельные формулы этого произведения отразились в «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», «Слове о житии и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», «Сказании о Мамаевом побоище», «Степенной книге», «Русском временнике», «Повести об Азовском осадном сидении казаков» и др. Они остаются действительными и поныне. Поэтический перевод «Повести о разорении Рязани Батыем» на современный русский язык Ивана Новикова, повесть Д. Яна «Батый», повесть В. Ряховского «Евпатий Коловрат», «Повесть о приходе Батыева на Рязань, о Евпатии Коловрате и князе Игоре Игоревиче» В. Васильева свидетельствуют о художественной действительности этого произведения и для современной советской литературы.

В настоящей статье рассматривается только самый первый этап в литературной истории Повести и ее традиций. В дальнейшем я предполагаю продолжить это рассмотрение.

1

Как известно, древнейший список «Повести о разорении Рязани Батыем» относится к сравнительно позднему времени — к XVI в. (ГБЛ, Волоколамское собр., № 526). Это значительно затрудняет изучение текста повести и реконструкцию ее первоначального вида. Вот почему чрезвычайно существенно выявить отражение повести в древнейших памятниках.

До сих пор не обращало на себя внимания то обстоятельство, что одна из лучших летописных повестей конца XIV или начала XV в. — «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву», читающаяся в Новгородской IV летописи под 1382 г., содержит ряд реминисценций из «Повести о разорении Рязани Батыем». Приведу эти реминисценции параллельно с текстом «Повести о разорении Рязани».

Повесть о нашествии
Тохтамыша на Москву
(редакция Новгородской IV
летописи)

1) . . . и гнаша в след его несколько дний. . . и поидоша по дорозе его, с тщаниемъ, и постигоша его близ придел Рязаньскна земля (с. 327; в Софийской I летописи: близ предел рязаньских).²

2) . . . нача собирать воя и съвокупляти полки своа (с. 328).

3) . . . безбожнии бо силою разбиша двери церковныя и сих мечи иссекоша (с. 334).

4) . . . многи монастыри разориша, и многи церкви раздружиша; в святых церквах убийство сдеяша, и в священных олтарех кровопролитие сътвориша (с. 334).

5) И бяше дотолѣ преже видети была Москва град велик, град чуден, град многочловечен, в нем же множество людѣи, в нем же множество огосподства, в нем же множество всякого узорочья; и паки в единомъ часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен и поужен, и нечего его видети, разве токмо земля и персть, прах, пошел, трупья мертвых многа лежаще, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше (после изложения плача Церкви далее следует): Все лежать, все уснуша и почиша, все посечени быша и избьени, усечениемъ меча умроша; несть позвонение в колоколы ни в било, несть зовущаго ни текущаго, не слышати в церкви гласа поюща, ни слышати славословна и хвалословления, не бысть в церквах стихословна и благодаренна; въистинну

Повесть о разорении
Рязани Батыем
(редакция основная А)¹

1) . . . и сretoша его близ придел резанских (с. 290).

И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей (с. 293).

2) . . . и начаша совокупляти воинство свое и учредиша (с. 289; в редакции основной Б: начаша совокупляти войско свое и укрепляти, с. 310).

3) . . . и приидоша в церковь соборную пресвятая Богородици и великую княгиню Агрешену мать великаго князя, с снохами и с прочими княгинями мечи иссекоша (с. 292).

4) А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша (с. 229).

5) Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым (и земля — редакция основная Б) и пепел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернеша. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. Не бе бо во граде пения, ни звона, в радости место всегда плач творяще. Князь Ингварь Ингорович поиде и где побьени быша братья его от нечестиваго царя Батые: великий князь Юрьи Ингорович Резанской, брат его князь Давид Ингорович, брат его Всеволод Ингорович и многа князи месныа, и бояре и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвцы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на траве ковыле, снегом и ледом померзоша, никим брегоста. От зверей телеса их снедаема, и от множе-

¹ «Повесть о разорении Рязани Батыем» цит. по: Лихачев Д. С. Повести о Николѣ Зараском. — ТОДРЛ, Л., 1949, т. 7, с. 257—406. «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» цит. по: Новгородская четвертая летопись, вып. 2. ПСРЛ, Л., 1925, т. 4, ч. 1.

² В основном списке Новгородской IV летописи стоящих в скобках слов нет; они дополнены по другим спискам. Софийская I летопись цит. по: Софийские летописи. — ПСРЛ, СПб., 1855, т. 6.

суета человеческаа и бысть митеж человеческий; сице же бысть конець Московьскому пленению. Не токмо же единая Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша (с. 336—337).

б) Кто бо не възплачется таковыа погибели градыа? Кто не жалуеть толика народа людей? Кто не потужит о селице множестве крестьян? Кто не сетуеть сицеваго пленения и съкрушения? (с. 338; далее — похороны мертвых).

ства птиц разьстерзаемо. Все бо лежаша, кунно умроша, едину чашу пиша смертную (с. 296—297; далее следует плач Ингваря Ингоревича).

б) Кто бо не възплачетца толика погибели, или хто не възрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толика побито великих государей, или хто не постонет такового пленения? (с. 296; далее — похороны мертвых).

Итак, связь «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» несомненна. Какая же из этих повестей на какую повлияла?

Бесспорно, что «Повесть о разорении Рязани» древнее конца XIV в., иначе говоря, древнее и «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву». Сходные места обеих повестей органически входят в состав «Повести о разорении Рязани», они не могут быть отнесены к элементам только внешнего оформления (в последнем случае можно было бы предполагать, что «Повесть о нашествии Тохтамыша» повлияла только на самое оформление «Повести о разорении Рязани» в конце XIV—начале XV в.).

Непосредственное наблюдение над текстом также с бесспорностью убеждает в том, что «Повесть о разорении Рязани» первична по отношению к «Повести о нашествии Тохтамыша». Текст «Повести о разорении Рязани», за исключением плача Ингваря Ингоревича, не повлиявшего на «Повесть о нашествии Тохтамыша» (о плаче Ингваря Ингоревича см. выше), лишен каких бы то ни было элементов стиля времени второго южнославянского влияния. «Повесть о нашествии Тохтамыша» это влияние испытала и, в частности, одно место из «Повести о разорении Рязани» переработала именно в этом роде.

Мы не случайно выбрали для сличений с «Повестью о разорении Рязани» редакцию «Повести о нашествии Тохтамыша», заключенную в Новгородской IV летописи. Вместе с Софийской I Новгородская IV летопись составляют особую группу летописей, от которой зависят многие другие русские летописи XV и XVI вв. Относительно более древний текст «Повести о нашествии Тохтамыша» читается в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, отражающих несколько более ранний этап летописания. И вот зависимость «Повести о нашествии Тохтамыша» в редакции Новгородской IV летописи от «Повести о разорении Рязани» осложняется тем обстоятельством, что более древняя редакция «Повести о нашествии Тохтамыша», читающаяся в Симеоновской летописи и в Рогожском летописце,³ также уже испытала некоторое (го-

³ «Повесть о нашествии Тохтамыша» в Симеоновской летописи (ПСРЛ, СПб., 1913, т. 18) почти полностью совпадает с Повестью в Рогожском лето-

раздо меньшее) влияние «Повести о разорении Рязани». За исключением одного места, о котором будет сказано ниже, все реминисценции «Повести о разорении Рязани», имеющиеся в редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» Симеоновской летописи и Рогожского летописца, читаются также и в редакции Новгородской IV летописи. Приведу эти реминисценции полностью по Симеоновской летописи:

. . . и гнаша в след его, и переяхаша дорогу его на Серначе и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани (с. 132; ср. № 1 в таблице сличений).

Людие христиане, сущии в граде затворишася в церквах зборных каменных. Татарове же силою разбиша двери церковныя и сих мечи изсекоша, а другия оружием до конца смерти предаша, церкви сборныя разграбиша. . . (с. 132, ср. № 3 в таблице сличений).

В церквах же и в олтарех убийство съдеаша и кровопролитья сътвориша окааннии, и святая места погании оскверниша (с. 132, ср. № 4 в таблице сличений).

Отшедшим же татаром и потом не по мнзех днех князь великий Дмитрий Ивановичь и брат его князь Володимер Андреевичь с своими бояры въехаша в свою очину в град Москву, и видеша град взят и огнем пожжен, и церкви разорены, а людей мертвых множество безчисленое лежащих, и о сем зело съжалишася, яко расплакаться има (с. 133; далее следует рассказ о похоронах мертвых; ср. № 6 в таблице сличений).

В последнем примере сходство «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани» полнее, чем в более поздней редакции Новгородской IV летописи. В этой последней летописи заимствование из «Повести о разорении Рязани» продолжается несколько дальше, чем в Симеоновской и в Рогожской. Сокращение заимствования — дело вполне обычное, но дополнение заимствования в новой редакции по старому источнику очень редко и требует объяснений.

Для того чтобы разобраться во взаимоотношении «повести о нашествии Тохтамыша на Москву» в обеих ее основных редакциях с «Повестью о разорении Рязани Батыем», необходимо в первую очередь сличить тексты обеих редакций «Повести о нашествии Тохтамыша» и выяснить, как они относятся друг к другу. Данные этого сличения показывают, что перед нами отнюдь не две самостоятельные повести, как это считалось некоторыми исследователями,⁴ а одна повесть, но в двух редакциях. Текст повести в Новгородской IV летописи в три раза превосходит размером текст повести в Симеоновской летописи (и, разумеется, в Рогожском летописце). Но при этом текст повести Новгородской

писце. Незначительные разночтения указаны в издании Рогожского летописца: ПСРЛ, Пг., 1922, т. 15, вып. 1, с. 142—146.

⁴ Тихомиров М. Н. Древняя Москва. М., 1947, с. 192, раздел «Повести о Тохтамышевом разорении» (впрочем, термин «повести» употребляется М. Н. Тихомировым условно; в дальнейшем они называются и повестями, и сказаниями).

IV летописи почти целиком сохраняет в своем составе текст повести Симеоновской летописи, которая составляет как бы сюжетный костяк повести в Новгородской IV летописи. При всех иных условиях мы могли бы предположить, что Новгородская IV летопись присоединила к первоначальному рассказу о нашествии Тохтамыша какой-то другой, существовавший отдельно. Однако редакция Новгородской IV летописи не знает дублировок,⁵ не знает типичных для всякого рода соединений самостоятельных повествований явлений. Перед нами простое расширение предшествующего текста, выполненное при этом, по-видимому, самим летописцем, дополнившим и развившим от себя предшествующий летописный текст, а не соединившим его с каким-то другим самостоятельно существовавшим произведением о тех же событиях.

В одном случае вставка текста сделана при помощи соединительной фразы («Сим же тако бывающим. . .», с. 332). Иногда вставки искусственно разрывают связный текст. При переделке повести появились и некоторые неполадки. Так, например, в Симеоновской летописи сказано, что Остея убили «пред сны града» (т. е. перед его валами, с. 132), в Новгородской IV малопонятное «сны» заменено на «враты»: Остея убивают «пред враты града» (с. 332). Искажен в Новгородской IV и счет денег, выплаченных князем Дмитрием Ивановичем за уборку трунов. В Симеоновской летописи сказано: «и даваста от 40 мертвецъ по полтине, а от 80 по рублю» (с. 133), а в Новгородской IV счет иной и неверный: «и даяста от 40 по полтыне, а от 50 по рублю» (с. 338).

Вторичность текста Новгородской IV летописи не подлежит, следовательно, сомнению.

В основном вставки в текст предшествующей редакции (читающейся в Симеоновской летописи) касаются в новой редакции внутренних событий, разразившихся в городе. Любопытно, что описание городских волнений в Москве сделано не без влияния новгородских летописей, где эти описания достигают значительного мастерства и некоторой устойчивости в формулировках.

Идейная сторона переделки «Повести о нашествии Тохтамыша» также не противоречит тому положению, что перед нами

---

⁵ В основном списке Новгородской IV летописи князя Остея убивают дважды: один раз — перед городскими воротами, вторично — во время крестного хода, вышедшего навстречу татарам: «прежде всех убиен бысть князь их Остей пред градом» (с. 332). Однако дублировки текста другим рассказом в данном случае определить нельзя; в некоторых других списках слова «всех» нет, и текст следует понять так, что Остей был убит раньше («прежде»). Именно это последнее чтение и следует принять за древнейшее. Такое понимание подтверждается и текстом Софийской I летописи, где, как мы уже сказали, «Повесть о нашествии Тохтамыша» читается в той же редакции, что и в Новгородской IV: «князь Остей прежде того убиен бысть пред градом» (Софийские летописи, с. 101). Следовательно, вторичная смерть Остея в некоторых списках Новгородской IV (а от нее и в других поздних летописях, в том числе, например, и в Ермолинской) является результатом простой небрежности переписчиков, а не соединением двух произведений, дающих две разные версии одного и того же события.

не отдельно составленные повести, а обычное летописное повествование, текст самой летописи.

Для идейной стороны переделки «Повести о нашествии Тохтамыша» в Новгородской IV летописи отметим похвалы московским купцам, находившимся во время начала военных действий Тохтамыша в Болгарах. Они названы «доброхотами», «поборниками» земли Русской (с. 328). Именно они предупреждают великого князя о движении татар на Москву (с. 327). В числе лиц, находившихся в Москве во время осады, опять упоминаются они же: «сурожане, суконники и прочьи купци» (с. 329), «добрии люди» (с. 330). Суконник Адам (очевидно, купец, а не ремесленник, поскольку перед этим говорилось о суконниках-купцах) совершает подвиг, пронзив стрелой сердце некоего «нарочитого» и «славного» татарина (с. 332). В числе ограбленных опять-таки упоминаются «купци, яже суть богатии людье» (с. 334; в Софийской I дается разъяснение к этому месту: «сурожани, суконници», с. 102). Сетую и ужасаясь, как завзятый купец, подсчитывает автор второй редакции «убытки и напасти и проторы» (с. 338).

Это отношение к московским купцам составляет оригинальную особенность второй редакции повести.⁶

Кроме того, следует отметить, что в дополнениях к повести в Новгородской IV летописи заключаются те же идеи, что и в других местах московского летописания начала XV в.: «не хотяще Тахтамышь, дабы кто принесл весть на Русь о его приходе, того бо ради вси гости руския поимани быша и пограблении и удръжани, дабы не было весте Руси» (с. 327—328); «ведяше же рать внезапу, из невести, умением тацемь же злохитриемь, не дающе весте преди себе, да не услышано будеть на Руси устремление его» (с. 327). Ср. в Симеоновской летописи под 1368 г. характеристику Ольгерда: «И ведяше я (рать. — Д. Л.) втаю. Обычай бо бе Олгерду: егда куде придыше на войну, тогда убо никому же не ведущу, но ни воином его, еже камо хочеть ити ратью, ни иже иным опришным или внешним или иноземцем или гостем, яко не дасть уведати на кого идеть, да не услышана будеть дума

---

⁶ Речь может идти именно о сочувствии купцам, но отнюдь не восставшему простому народу, как, однако, думает М. Н. Тихомиров. Последний пишет: «Бросается в глаза и явное сочувствие автора к восставшему народу» и отсюда делает вывод, что автор «возможно, даже сам был горожанином» (Т и х о м и р о в М. Н. Древняя Москва, с. 194). Между тем вот что пишет автор второй редакции об этих восставших горожанах: «гражаньстии людие възмятошася и възколебашася, яко пьяни» (Новгородская IV летопись, с. 328); «и бывши промежи ими распре велице» (там же); «и вьсташа вечем народи мятежници, недобрии чловеци, людие крамолници; хотящих изыти въз града не токмо не пуцааху вон изь града, но и грабляаху; ни самого митрофолита постыдешася, ни бояр нарочитых не устрашишася, ни устрашишася седины старець многолетних. . .» и т. д. (там же, с. 329). Даже самые защитные действия простых людей описываются в этой повести с крайним несочувствием: «И паки възлазяще на град, пьяни суще, шатахуся, ругающесе тотаром образом бестудным, досажаяще и некаа словеса износяще, исполнь укоризны и хулы» (там же, с. 330). Сходный текст и в Ермолинской летописи.

его в ушью иноземцем, да не изыдет весть си в ту землю, в шюже рать ведяше. И тако воюя, хитростью искрадываше Олгерд, мнози земли поимал и многа места, и грады, и страны попленил; не толма силою, елико умением воеваша» (с. 108). Под 1377 г. летописец отмечает, что мордовские князья тайно подвели на русскую рать царевича Арапшу: «и внезапно из невести удариша на нашу рать в тыл, бьюще и колюще, и секуще без вести» (там же, с. 119). Подобные же рассуждения о тайной рати встречаются и в «Повести об Едигее» 1409 г.: татары «в тайне покрадають нас» (там же, с. 155), «злохитрено мирують с нами» (с. 156) и т. д.

Таким образом, идеи московского летописания, типичные для свода Киприана 1409 г.,⁷ отразились главным образом во второй редакции повести, заключенной в Новгородской IV летописи, представляющей последующий этап летописания — свод Фотия 1418 г. Отсюда ясно, что летописец, переделывавший «Повесть о нашествии Тохтамыша», одним из образцов для себя имел предшествующую московскую летопись.

Из других идейных отличий первой редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» от второй отметим критическое отношение к великому князю Дмитрию Донскому, осторожно выраженное в первой и несколько смягченное во второй. Это критическое отношение к Дмитрию Донскому в первой редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» опять-таки связывается с «Повестью о разорении Рязани».

В самом деле. Последовательность литературных реминисценций из «Повести о разорении Рязани» в «Повести о нашествии Тохтамыша» в основном совпадает с ходом развития «Повести о разорении Рязани». Это объясняется отчасти тем, что сюжет обеих повестей и лежащие в их основе события до некоторой степени сходны. В этой связи важно отметить, что роль Дмитрия Донского в «Повести о нашествии Тохтамыша» по своему положению в ходе событий близка роли Георгия Всеволодовича Владимирского: первый отказывается оборонять Москву при вести о нашествии Тохтамыша, второй — Рязань при вести о нашествии Батые.

Приведем оба текста, касающиеся этих отказов, параллельно.

П о в е с т ь о н а ш е с т в и и
Т о х т а м ы ш а н а М о с к в у
(в редакции Симеоновской летописи)

И прииде въскоре весть на Москву. Князь же великий Дмитрий Ивановичь, то слышав, что сам царь идеть на него с всею силою своею, не ста на бой, ни противу его подиял руки, противу царя Тахтамышня, но поеха в свой град на Кострому (с. 132).

П о в е с т ь о р а з о р е н и и
Р я з а н и Б а т ы е м
(в редакции основной А)

И услыша великий князь Юрий Нигоревич Резанский приход безбожнаго царя Батые, и воскоре посла в град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батые, или бы сам пошел. Князь

⁷ См. о рассуждениях подобного рода в кн.: Л и х а ч е в Д. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 301—303.

великий Георгий Всеволодович Владимръской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем (с. 287).

Непосредственных, словесных совпадений между обоими текстами нет, однако общее положение обоих эпизодов в ходе событий сходно, и это говорит о том, что летописец, имевший перед глазами в качестве литературного образца «Повесть о разорении Рязани Батыем», не мог не осознавать получающегося при такого рода общем положении обоих отказов скрытого упрека Дмитрию Донскому. Во второй редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» общее отношение к Дмитрию Донскому отнюдь не враждебное, хотя одним из героев, разбившим татар у Коломны, выступает все же не Дмитрий Донской, а Владимир Андреевич Серпуховской, находившийся к концу княжения Дмитрия Донского в размолвке с последним.⁸

Решительно изменено отношение к Дмитрию Донскому в Софийской I летописи. Здесь редакция «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву» та же, что и в Новгородской IV летописи, но некоторые изменения существенны в идейном отношении.

В Новгородской IV летописи Дмитрий Донской думает думу с князьями «и с воеводами и з думцами и велможами и с боляри старейшими» (с. 328), а в Софийской I только с князьями (с. 99). Опущен в Софийской I упрек русским князьям в том, что они не хотели «пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату» (с. 328). Опущен упрек Дмитрию в трусости, имевшийся в Новгородской IV (а также, как мы видели, в Симеоновской): «и убояся стати в лице самого царя и не ста на бой противу его, и не подня руки на царя» (с. 328). В отдельных случаях прибавляется титулование Дмитрия Донского: «великий князь» (с. 103). Дважды опущено упоминание о мятеже в городе, хотя описание самого мятежа сохранено. Вместо упоминания в числе убитых «*черных людей*» (с. 333) в Софийской I сказано, что татары убили «*бояр и честных людей*» (с. 101). Вместо «*сотвориша вече*» (с. 329) говорится «*и стаха суймом*» (с. 99). Все это — явные идеологические подновления текста. Однако в ряде случаев текст Софийской I сохраняет отдельные более древние чтения. Так, например, плач церкви, неловко разрывающий заимствования из «Повести о разорении Рязани Батыем», в Софийской I отсутствует, и заимствование из «Повести о разорении Рязани» сохраняет свою первоначальную цельность.

Из приведенных материалов Новгородской IV летописи и Софийской I видно, что оба текста «Повести о нашествии Тохтамыша» не зависят друг от друга, а восходят к третьему, сохраняя каждый по-своему этот первоначальный («третий») текст. Этим третьим текстом, учитывая общую генеалогию летописания XIV—

⁸ Тихомиров М. Н. Древняя Москва, с. 194.

XV вв., мог быть только свод Фотия 1418 г. (по М. Д. Приселкову; по А. А. Шахматову — уже 1423 г.), так как предполагаемый промежуточный свод 1448 г. был новгородским и московские материалы мог почерпнуть только из свода Фотия 1418 г. Что же касается текста повести, читающегося в Симеоновской летописи и Рогожском летописце и, очевидно, бывшего в сгоревшей Троицкой летописи,⁹ то в основе его несомненно лежит свод Киприана 1408 г.

Все остальные виды «Повести о нашествии Тохтамыша», читающиеся в других летописях, являются переработками или комбинациями двух первых редакций: основной в своде Киприана 1408 г. и ее распространения в своде Фотия 1418 г.; причем не исключена возможность, что некоторые детали этих архетипных сводов могли сохраниться лучше в других летописях, чем в Симеоновской и Рогожской летописях, с одной стороны, и Новгородской IV и Софийской I — с другой. Полное текстологическое исследование «Повести о нашествии Тохтамыша» — дело будущего. Для цели настоящей статьи достаточно было ограничиться общими данными истории летописания, поскольку мы выяснили, что отдельной «Повести о нашествии Тохтамыша» не существовало и летописцы, описывавшие события 1382 г., не выходили за пределы обычных приемов своей работы, а отчасти и общей направленности изложения.

Итак, «Повесть о разорении Рязани Батыем» была дважды использована в московском летописании первой четверти XV в.

Первый раз она была использована в своде Киприана 1408 г. Это использование сводом Киприана «Повести о разорении Рязани» должно быть сопоставлено с тем обстоятельством, что в том же своде была использована и рязанская княжеская летопись, доходившая в основном до 1402 г.¹⁰ Не исключена возможность, что «Повесть о разорении Рязани» в составе всего цикла о Николе Заразском читалась именно в этой летописи, чем, может быть, объясняются имеющиеся в ней летописные приемы изложения¹¹ и использование в ней княжеского помянника.¹²

⁹ В реконструкции текста Троицкой летописи «Повесть о нашествии Тохтамыша» восстановлена по Симеоновской летописи (Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, с. 422—423).

¹⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 131—132.

¹¹ «В лето 6730. . .»; «В лето 6732»; «В лето 6733. . .»; «В лето 6745. Убьен бысть. . .»; «В лето 6745. . .»; «Благоверный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Игоря Святославича. И обнови землю Резавьскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеша, и люди собра. И бысть радость христианом, их же избави бог рукою своею крепкою от безбожнаго зловернаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине» (Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском, с. 282, 283, 287 и 301).

¹² Лихачев Д. С. Повесть о разорении Рязани Батыем. — В кн.: Воинские повести древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949, с. 141. В этой же статье см. о связи цикла повестей о Николе Заразском с летописанием — новгородским и рязанским.

Вторично «Повесть о разорении Рязани» была привлечена, как мы видели, в своде Фотия 1418 г. Как известно, свод Фотия в значительной мере использовал вторично и с большей полнотой те же источники, которые использовал и свод Киприана.¹³ Следовательно, к числу источников (вернее, в данном случае к числу литературных образцов), дважды использованных в московском летописании начала XV в., следует причислить и «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Только этим путем и могло создаться такое редкое в истории текстов древнерусских литературных произведений положение, когда произведение на двух ступенях своего развития дважды подверглось влиянию одного и того же произведения, причем так, что имевшееся в первой редакции заимствование было дополнено (как бы наращено) во второй редакции его продолжением по оригиналу, послужившему источником заимствования и для первой редакции.

В событиях Тохтамышева нашествия, как известно, предательскую роль сыграл Олег Рязанский. И этой предательской роли Олега «Повесть о нашествии Тохтамыша» уделяет серьезное внимание, причем во второй редакции большее, чем в первой. Олег показал путь Тохтамышевой рати, указал татарам броды на Оке, и, изгнав Тохтамыша, Дмитрий Донской послал свою рать на Олега, захватил его землю и «сотворил ее пусты». «Пуцши ему бысть и тотарьския рати» (Новгородская IV, с. 339), — наставительно замечает летописец. Именно на этих словах заканчивается повествование о нашествии Тохтамыша на Москву. Не следует ли литературные реминисценции автора «Повести о нашествии Тохтамыша» в каком-то отношении сопоставить с этим напоминанием Олегу Рязанскому о татарской рати?

2

Отметим, что среди использованных в «Повести о нашествии Тохтамыша» текстов «Повести о разорении Рязани Батыем» отсутствуют две части последней: похвала роду рязанских князей и плач Ингваря Ингоревича, наличествующие в обеих дошедших до нас древнейших редакциях «Повести о разорении Рязани» (в редакции основной А и в редакции основной В обоих видов).

Именно эти части «Повести о разорении Рязани Батыем» имеют точки соприкосновения со «Словом о житии и о преставлении

---

¹³ В согласии с выводами А. А. Шахматова М. Д. Приселков пишет: «Иных летописных материалов у сводчика 1418 г., против свода 1408 г., мы не видим. Особенно это ясно при изложении событий XIV в. Здесь налицо все те же летописцы, с которыми имел дело и сводчик 1408 г. Правда, материал этих летописцев в новом своде значительно увеличен рядом новых извлечений из них» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 145).

великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», помещенным в той же Новгородской IV летописи и в ряде других.

Как уже было отмечено А. И. Соболевским¹⁴ и В. П. Адриановой-Перетц,¹⁵ общие места имеют плач Ингваря Ингоревича и плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии. Приведем оба плача параллельно.

Плач Евдокии
(по Новгородской IV летописи)

Ведев же его княгини мертва, на постели лежаща, въсплакася горьким гласом, огненны слезы от очию испущающе, утробю распалающе, в перси своя руками бьюще, яко труба рать поведающе, яко ластовица рано шепчущи, и органы сладковещающе и глаголющи: Како умре живот мой драгий, мене едину въд[о]вою оставив? Почто аз преже тебе не умрох? Како заиде свет от очию моею? Где отходиши, скровище живота моего? Почто не промолвиши ко мне, утроба моя, к жене своей? Цвете прекрасныи, что рано увядаеши? Виноград многоплодный уже не подает плода сердцу моему и сладости души моей. Чему, господине мой милый, не въззриши на мя? Чему не промолвиши ко мне? Чему не обратиши на постели своей? Ужели мя еси забыл? Что ради не зриаеши на мене и на дети мой? Чему им ответа не даси? Кому ли мене приказываеши? Солнце мое, рано заходиши; месяц мой красный, скоро погибаети; звездо восточная, почто к западу грядеши? Царю мой милый, како прииму тя, како ты обоиму, или како ты послужю? Где, господине, честь и слава твоя, господство твое? Господин всей земли Руской был еси, ныне мертв лежащи, никим же владеши; многы страны примирил еси, ныне же смертию побежен еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего превратися в истление. Животе мой,

Плач Ингваря
Ингоревича
в «Повести о разорении
Рязани»
(редакция основная А)

Видя князь Ингварь Ингоревич великую коветную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающе (с. 295—296).

И видя князь Ингварь Ингоревич велля трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перси свои руками бьюще, и ударяшеса о земля. Слезы же его от очию, яко поток, течаше и жалосно вещающе:¹⁶ О милая моа братья и господие! Како успе животе мой драгий! Мене единого оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего! Про что не промолвите ко мне— брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мои незрелыи?¹⁷ Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мне— брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене, брата своего, от единого отца роженного, и единые утробы честного плода матери нашей — великие княгини Агрены Ростиславне, и единым сосцом воздоеных многоплодного винограда? кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано

¹⁴ Соболевский А. И. К «Слову о полку Игореве». — ИпоРЯС, Л., 1929, т. 2, кн. 1, с. 177—182.

¹⁵ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. — ТОДРЛ, М.; Л., 1947, т. 5, с. 78—81.

¹⁶ Ср. в редакции основной Б: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич, и возопи горьким гласом, велми ревый, слезы от очию испущающе, яко струю силну, утробю распалающе, в перси руками бьющи и гласом же, яко труба рати повещающим, яко орган слатко вещающе» (с. 317).

¹⁷ В редакции основной Б: «многоплоднии» (с. 317).

какo намилуюся тебе, какo позеселуюся с тобою? За многоценна бa-гряница худыа спа и бедныа ризы приемлиши: не моего наряда одеяние на себе въздеваеши и за царскый венець худым сим платом главу покpываеши, за полату красную гроб сий приимаеши. Свете мой светлый, чему помрачился еси? Гора великая, какo погыбаеши? Аще бог услышит молитву твою, помолися о мне, княгини твоей; вкупе жих с тобою, вкупе ныне и умру с тобою; уность не отиде от нас, а старость не постиже нас; кому приказываеши мене и дети свои? Не много, господине, радовахся с тобою; за веселие печаль и слезы приидоша ми, за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся. Почто родихся и, родився, преже тебе какo не умрох, да бых не ведала смерти тво[е]я, а своая погыбели? Не слышиши ли, князь, бедных моих словес? Не смилят ли ся моя горькая слезы? Кренко еси, господине мой драгий, уснул: не могу разбудити тебе; с которя войны еси пришел? Истомился еси велми; звери земнии на ложи свои идуть, а птица небесныа ко гнездом своим летять, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся, какo ся нареку? Вдова ли ся нареку? Не знаю аз сего; жена ли ся нареку? остала есмь царя. Старыа вдовы, потешайте мене, а младыа вдовы, поплачите со мною: вдовыа бо беда горчае всех людей. Какo ся възплачу или какo възглаголю? Великий мой боже, царь царем, заступник ми буди; пречистая госпоже богородице, не остави мене, в время печали моя не забуди мене. . . Слыши, небо, внуши земли! Какo възпевшу ти и какo възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изне[мо]гается; аще ли промолчу, нудить мя язык яснее рещи (с. 358—360).

заходящее, месяци красныи, скоро изгыбли есте; ¹⁸ звезды восточныа, почто рано зашли есте? ¹⁹ Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братия и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мой драгий, ²⁰ чему помрачился есте? Не много на-радовахся с вами! ²¹ Аще услышит бог молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселием плач и слезы придоша ми, а за утеху и радость сетование и скрбь яви ми ся! Почто аз не преже вае умрох, да бых не видел смерти вашей, а своая погыбели. Не слышите ли ²² бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Какo нареку день той или какo возпишу его — в он же погыбе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от них возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертнюю пища. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, ²³ зрак опустевает, крепость изнемогает (с. 297—298).

¹⁸ В редакции основной *Б*: «месяц мой красный, скоропогыбший».

¹⁹ В редакции основной *Б*, дополнительно: «Где, господине, честь и слава ваша?»

²⁰ В редакции основной *Б*: «Свете мой светлый».

²¹ В редакции основной *Б*, дополнительно: «уность бо не отиде от нас, а старость не постиже нас».

²² В редакции основной *Б*, дополнительно: «господине».

²³ В редакции основной *Б*, дополнительно: «гортань премолкает, смысл изменяетца».

А. И. Соболевский, впервые отметивший сходство плача Евдокии и плача Ингваря Ингоревича, счел плач Евдокии переделкой плача Ингваря, не приведя никакой аргументации. Он писал: «С „плачем“ рязанского князя представляет очень много общего „плач“ вдовы Дмитрия Донского по умершему муже. Текст „Слова о Дмитрии Донском“ приспособлен к московской обстановке; тем не менее одни и те же выражения, фразы в обоих плачах бросаются в глаза. Можно сказать: московский „плач“ — переделка рязанского».²⁴

Против этой точки зрения высказалась В. П. Адрианова-Перетц, приведшая и доказательства обратной зависимости, именно: плача Ингваря Ингоревича от плача Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что гиперболическое описание горя²⁵ отвечает стилистической манере XV в., но маловероятно в памятнике XIII в. Заимствование из плача Евдокии выдают в плаче Ингваря и отдельные неприспособленные к требуемому смыслом двойственному числу выражения — более уместные в плаче Евдокии, чем в плаче Ингваря.²⁶

Отметим попутно, что этих несоответствий в числе гораздо больше в редакции основной *Б* «Повести о разорении Рязани», чем в редакции основной *А*. Редакция основная *Б* ближе плачу Евдокии, чем редакция основная *А*, и в ней поэтому больше несообразных со смыслом плача Ингваря отдельных мест: в частности, употребление по отношению ко многим убитым звательного единственного числа «господине» (трижды), единственного числа «месяц мой красный, скоропогибший» (в редакции основной *А* единственное число заменено на множественное: «месяцы красныи, скоро изгибли есте»).

Плач Евдокии имеет много параллелей в литературных памятниках XV—XVII вв.²⁷ Можно было бы предположить, что плач Ингваря Ингоревича восходит не к плачу Евдокии «Слова о житии и о преставлении», а к какому-то другому, неизвестному нам плачу, вероятнее всего, вдовьему, из которого явился и плач Евдокии. Это предположение тем более правдоподобно, что плач Евдокии своими народными элементами резко выделяется в «Слове о житии и о преставлении» и некоторые списки этого «Слова»

²⁴ С о б о л е в с к и й А. И. К «Слову о полку Игореве», с. 181.

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц делает ссылку на следующее место плача Ингваря: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич и возопи горьким гласом, велми ревий, слезы от очию испущающи, яко струю сильную, утробою распалающися, в перси руками бьющи и гласом же яко труба рати поведающи, яко орган сладко вещающи» (А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго, с. 94).

²⁶ «Како успе, животе мой драгий. . . Како заиде, свете очию моею. . . кому приказываеши мя, солнце мое драгое, рано заходящее, месяц мой красный, скоропогибший (в плаче Евдокии «солнце» и «месяц» — два эпитета, с которыми вдова обращается к умершему мужу; здесь они неудачно разделены). . . свете мой светлый, чему помрачилися есте».

²⁷ Эти соответствия указаны в работе В. П. Адриановой-Перетц (Слово о житии и о преставлении. . .).

(в частности, тот, что находится в составе Никоновской летописи) не имеют плача Евдокии, что как будто бы позволяет предполагать его вставное происхождение.

Тем не менее есть один признак, по которому мы можем безошибочно определить зависимость плача Ингваря именно от плача Евдокии в составе «Слова о житии и о преставлении». В плаче Ингваря имеется одно очень странное место, до сих пор не обращавшее на себя внимания исследователей: Ингварь говорит: «Како нареку день той или како възпишу его» (с. 298). Непонятно, каким образом любители легких атрибуций не приписали авторство всей «Повести о разорении Рязани» князю Ингварю Ингоревичу: он единственный из князей рязанских остался в живых, он от своего лица описывает как очевидец поле, усеянное трупами, он оплакивает рязанских князей, и он же пишет о себе в первом лице «како възпишу», т. е. прямо указывает на себя как на лицо, собирающееся описать события. Дело, однако, объясняется проще: автор плача Ингваря Ингоревича, переделывая плач Евдокии, не знал, где ему остановиться, и, перешагнув через плач, заимствовал часть материала из самого «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Слыши, небо, внуши земли! Како възпевшу (в Софийской I: «како възпишу») ти како възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изнемогает; аще ли промолчу, нудить мя язык яснее рещи» (с. 360); весь этот текст в «Слове о житии и о преставлении» дается автором от своего собственного лица, а не от лица Евдокии, но автор переделки «Повести о разорении Рязани» этого не заметил и перенес его в плач Ингваря.

Заимствование выдает и особое место, занимаемое плачем Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем». В редакции основной *Б*, дающей наиболее близкий к плачу Евдокии вариант плача Ингваря, последний выделен даже особым заголовком: «Плачь князя Ингваря Ингоревича о брати побиенных от нечестиваго царя Батыа» (с. 317). Плач разрывает текст повести, имеющей без него более цельное строение. Неловкость вставки видна и потому, что плач Ингваря Ингоревича повторяется дважды (один раз при въезде в Рязань, другой раз — на поле битвы) и каждый раз вводится сходными выражениями, заимствованными из «Слова о житии и о преставлении».

Р е д а к ц и я   о с н о в н а я   А

Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно възкричашо, яко труба рати глас подающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричания, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв (с. 295—296).

И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупа мертвых лежаща, и възкрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои руками биюще, и ударяшеса о земли (с. 297).

Весьма сложен вопрос взаимоотношений «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» с «Похвалой роду рязанских князей», читающейся в «Повести о разорении Рязани Батыем». Близость «Слова» и «Похвалы» также несомненна.

С л о в о о ж и т и и и о п р е с т а в л е н и и в е л и к о г о к н я з я
Д м и т р и я И в а н о в и ч а
(в редакции Новгородской IV летописи)

Сии убо князь Дмитрий родися от благоверну родителю и пречестну, сын князя Ивана Ивановича и матери его великой княгини Александры, внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской земли, корени святого и богом насаженнаго [саду], отрасль благоплодна и цвет прекрасный, и царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго Рускую землю, сродник же бысть новому чудотворцю Бориса и Глеба; възсиян же бысть в благочестии и в славе, с всяцем наказанием духовным, и от самех пелен бога възлюбил. Отцю же его великому князю Ивану оставльшу житие света сего и примышу небесное селение, сии же оставль млад сый, яко лет 9. . . И примышу ему скипетр дръжавный земля Руския, на столование земнаго царства, отчину свою великое княжение, по даней ему благодати от бога, чти же и славы, еще млад сы възрастом, по духовных прилежах делесех, пустошных бесед не творяше, и срамных глагол не любляше, а злоправных человек отвращашеся, а с благыми всегда беседоваше, а божественных писаний всегда с умилением поелушаше, а о церквах божних вельми печашеся, а стражьбу земли Руской мужеством держаше, злобою младенец обреташеся, а умом всегда съвершен бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многи врагы, възстающа на нь, победи, и славный град Москву стенами чудно огради, и в всем мире славен бысть, яко и кедр в Ливане умножившеся и акы финикс в деревесе процвете. . .

И по браце целомудрено живяста, яко златопрьестый голубь и сладкоглаго-

П о х в а л а р о д у р я з а н с к и х к н я з е й
(редакция основная А).

Сии бо государи рода Владимира Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Ольговича Черниговьского. Бяше родом христолюбивый, братолюбивый, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на прованье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному делу вельми искусны [на недруги вельми храбры, половцам грозны ²⁸], к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум пмеише, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святого корени отрасли, и богом насаженнаго сада цветы прекрасны. Воспитани быша в благочестии [милостивы ²⁹], со всяцем наказании духовнем. От самых пелен бога възлюбил. О церквах божних вельми печашеся, пустошных бесед не творяще, срамных [глагол не любяща, злоправных ³⁰] человек отвращашеся, а со благыми всегда беседоваша, божественных писаний всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшения являшеся, многи врагы, възстающи на них, побезана, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаха. А по браце целомудрено живяста, смогряющи своего спасения. В чистой совести, в крепости, и разума предержа земное царство и к небесному

²⁸ Добавлено из редакции основной Б.

²⁹ Добавлено из редакции основной Б.

³⁰ Добавлено из редакции основной Б.

ливая ластовица, с умилением смотря-ху своего спасения, в чистой съвести, крепостию разума предръжа земное царство и к небесному присягая, и плоти угодна не творяху, аки кормьчи крепок противу ветром волны мвнуя, направляем вышняго промышлением, и яко пророк на стража божиа смотрения, тако смотряше своего царствия. . . И се едино повем от житиа его: тело свое чисто съхрани до женитвы, церковь себе съблюде святому духу нескверну, очима зряще чясто к земли, от нея же взят бысть, душу же и ум простираше к небесе, идеже есть лено ему пребывати; и по браце съвокупления тожде тело чисто съблюде, греху же непричастно. . . Царский убо сан дръжаша, а аггельскы живяше: постом и молитвою по вся ноци стояше. . . а во чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися; по вся часы честь и славу от всего мира примаше, а крест Христов на раму ношаше; божественныя дни поста в чистоте храняшеся, а по вся неделя от святых таин примаше. . . а княжение великое дръжаше отчину свою лет 29 и 6 месяць, и многы труды показа и победы по правоверной вере, яко ни кто же ни. . . бояре своя любите, честь им достойную въздаваючи противу служенна их, без воля их ни что же творите; приветливи будите к всем. . . и мужествовах с вами на многы страны, и противным страшен бых в бранех. . . (с. 351—357).

приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдаючи тело свое по браце [чисто и ³¹] греху непричастна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, а по вся святыя посты причащастася святых пречистых бессмертных таин. И многы труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бьяшася за святыя церкви, и православную веру. А отчину свою от супостат велми без ленности храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к себе приимаста, и на веру истинную обращаста (с. 300—301).

Сравнивая «Похвалу» и «Слово», видим, что «Похвала» отличается цельностью изложения, объединена общим ритмом, не содержит элементов «плетения словес», которые временами широко вторгаются в «Слово», логична от начала и до конца. В «Слове» же, в тех его частях, которые сходны с «Похвалой», можно заметить ряд несообразностей. Слова «и царя Володимера, новаго Костянтина, крестившаго Рускую землю» не связаны со сказуемым. Не связаны со сказуемым слова «чти же и славы, еще млад сы възрастом». Неловкость эта произошла, очевидно, от приспособления текста, заимствованного из «Похвалы», к новому содержанию. К несообразностям привело в «Слове» и соединение текста «Похвалы» с витийственными распространениями из «Слова похвального Сергию Радонежскому»: «И по браце целомудрено живяста, яко златопрьсистой голубь и сладкоглаголивая ластовица». ³²

³¹ Добавлено из редакции основной Б.

³² В «Слове похвальном Сергию»: «злат персидьский голубь и пречюдная ластовица». Указание это см.: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П.

Связность текста «Похвалы» явно нарушена в «Слове» введением многочисленных биографических материалов (в таблице сличений они опущены), внесением повторных реминисценций из нее в обращение Дмитрия к боярам, витийственными распространениями и т. д. Трижды, и не совсем логично, говорится в «Слове» в выражениях «Похвалы» о целомудренной жизни Дмитрия в браке. Цельность «Похвалы» нарушается и в других отношениях. Судя по всему, «Похвалу роду рязанских князей» следует признать первичной, а «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» вторичным. При этом «Похвала» была использована в «Слове» наряду с другими сравнительно поздними многочисленными источниками.³³

Итак, «Повесть о разорении Рязани Батыем» в части, посвященной похвале роду рязанских князей, повлияла на «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Оформившись, «Слово», в свою очередь, оказало воздействие на «Повесть о разорении Рязани», дав начало плачу Ингваря Ингоревича.

К сожалению, недостаточная текстологическая изученность «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» мешает сделать более точные выводы, связать их с конкретными этапами в жизни «Слова».

Я не рассматриваю в данной статье влияние «Повести о разорении Рязани» на «Сказание о Мамаевом побоище». Это тема особого, будущего исследования.

Приведенные материалы свидетельствуют о той значительной роли, которую играла «Повесть о разорении Рязани Батыем» в литературной деятельности московских книжников и летописцев первой четверти XV в.

Перед нами один из фактов того оживления интереса к родной старине и национальным традициям, которыми в высокой степени характеризуется конец XIV—начало XV в.

Установленные взаимозависимости позволят в будущем при реконструкции текста «Повести о разорении Рязани Батыем» уточнить взаимоотношение редакции основной А и редакции основной В этой повести, выбрать более точно варианты и с большим основанием, чем это можно было сделать раньше, исключить из текста повести плач Ингваря Ингоревича.

1961

Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского, с. 83.

³³ Литературные источники «Слова» указаны в исследовании В. П. Адриановой-Перетц «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» (с. 73—96). Несомненно, что если бы имела место обратная зависимость «Похвалы» от «Слова», то в «Похвалу» проникли бы некоторые элементы позднего происхождения.